

ших вводят в саклю, угощают раньше других и лучше других; по своему положению отец считается ближе всех к своим детям; но мать как мать все же ближе к сердцу детей; после родителей самыми близкими считаются братья и сестры; причем брат ближе, нежели сестра. Самым почетным гостем из всех родственников считается старший в роде. Жена старшего по возрасту пользуется со стороны прочих женщин и молодых мужчин, как старуха, большим почетом и уважением; в женских делах (свадьба, похороны и пр.) распоряжается более понимающая и деловая женщина в фамилии; в домашних делах все женщины самостоятельны; и старшей и распоряжающейся в делах (фактически) оказывают честь, дают дорогу, стоят при них, услуживают и т.д.; женщина ни лично, ни имущественно не пользуется самостоятельностью; она во всем подчиняется мужу; жена слушает и советы, и приказания близких родственников мужа (старших в особенности); иначе — позор для нее. В отсутствии мужа жена его безусловно слушается даже тестя или шурина и др.»⁶⁶. Почитание родителей и старших отмечал К. Борисевич⁶⁷.

По Ч. Ахриеву, «женщина, какими бы предрассудками она ни была разьединена от членов своей семьи, будет служить связующим элементом между ею и остальными членами семьи, и она в качестве жены, сестры и особенно матери непременно будет влиять на сына, дочь, брата и даже мужа. <...> Распространив это правило, мы можем сказать, что женщины как матери всегда имеют влияние на членов своей семьи, через это самое влияют и на весь народ»⁶⁸. Далее он писал, что «с наступлением совершеннолетия, т.е. в 14–15 лет, в жизни девочки происходит самый крутой поворот: ее уже не выпускают без надобности за порог своей сакли, заставляют работать столько же, сколько и взрослых женщин, и т.д.»⁶⁹.

§ 2. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Общественные отношения у ингушей в рассматриваемый период сохраняли некоторые архаичные черты, которые были характерны

⁶⁶ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 317, 311.

⁶⁷ Борисевич К. Черты православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. 1899. № 1–2. С. 245.

⁶⁸ Ахриев Ч. Об ингушских женщинах // ТВ. 1871. № 31.

⁶⁹ Там же.

и для ряда других горских народов Кавказа. В частности, это выражалось в сохранении деления на патриархальные роды — *тайты*. «Каждый род выводил себя от определенного предка, имя которого известно всем членам рода до 8–10-го поколения и дальше. Члены одного рода считаются “братьями” и “сестрами”»⁷⁰.

Формы семьи

В рассматриваемый период в Ингушетии существовали две формы семьи: малая, состоявшая из одного, двух или трех поколений ближайших родственников (муж, жена, их неженатые дети и родители мужа), и большая, включавшая две и более брачные пары и состоявшая из 3–4 поколений родственников. Специальных исследований о соотношении больших семей и малых в рассматриваемый период не существует. Однако общий анализ письменных источников позволяет сделать вывод, что тенденция к образованию малых семей стала очевидной с массовым переселением ингушей на равнинные земли. Существование большой семьи у ингушей в конце XVIII в. отмечал Якоб Рейнегс. Он сообщал, что численность одной семьи составляет от 40 до 50 душ мужского пола: наименьшая имеет 5–10 боеспособных мужчин, другие — больше, старший мужчина является главой семьи, и все без возражений ему повинуются⁷¹. По Л.Л. Штедеру, у карабулаков (субэтническое подразделение ингушей. — *М.А.*) численность членов семьи доходила до 70 человек⁷².

Н.Н. Харузин, посетивший ингушские районы в 1886 г., встречал семьи, в которых насчитывалось до десяти взрослых мужчин, а в ауле Койрах Мецхельского общества, по его данным, совместно проживали 27 родственников. Однако чаще родственники уже не жили совместно, каждая семья имела собственный двор, так что женатый сын проживал отдельно от родителей, но владел общей с отцом землей. Схожие данные о семьях, состоявших из нескольких дворов, объединенных общей системой внутрисемейных отношений, приводил Б. Далгат и в качестве примера упоминал семью Местоевых, в которой насчитывалось 40 человек⁷³.

⁷⁰ Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 244.

⁷¹ *Reineggs I.* Op. cit. P. 39.

⁷² [*Städer.*] Op. cit. S. 14.

⁷³ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 63.

В больших семьях главой семьи являлся отец — *цэнда*, старшей женщиной была мать — *ценнана*⁷⁴. В работах разных авторов изложены материалы относительно положения женщин. В частности, Ч. Ахриев отмечал, что «женщины как матери всегда имеют влияние на членов своей семьи, через это самое влияют и на весь народ»⁷⁵. Мать была главной распорядительницей в доме, ей подчинялись все снохи и сыновья, с ней считались старшие в «роду» мужчины. По этому поводу Б. Далгат писал, что, «несмотря на внешнее бесправное положение свое, женщина при уме и энергии играет выдающуюся роль и в родовом быту народов»⁷⁶. Схожие выводы делал и Н.Ф. Грабовский: «Ингушские женщины пользовались большими правами и свободой, несмотря на то что они были обременены большой долей физического труда»⁷⁷.

Существование большой семьи было экономически выгодно для населения горных районов. Комплексный характер хозяйства — сочетание отгонного скотоводства и пашенного земледелия, связанного с арендой земли на плоскости, — требовало большого числа рабочих рук.

Ведение общего хозяйства несколькими поколениями родственников сохранялось горцами и после переселения большей их части в плоскостные районы.

Выделение малой семьи из большой началось преимущественно после переселения на плоскость, в XIX в. Переселенцы постепенно втягивались в общественно-экономическую жизнь новых для себя мест, и это во многом предопределило распад больших семей на малые.

В 1866 г. была произведена регистрация туземного населения Терской области в целях обложения денежными повинностями. Единицей обложения считался «дым», т.е. хозяйственный двор, часто состоявший из нескольких семей родственников, живших одним «домом». Возможно, именно данная система налогообложения ускорила процесс распада больших семей. Это было связано с тем, что вся пахотная земля сельского общества делилась на подворные участки (паи) по числу дворов, плативших государственную подъемную подать и ис-

⁷⁴ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 122.

⁷⁵ Ахриев Ч. Об ингушских женщинах.

⁷⁶ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 62.

⁷⁷ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа. С. 15.

полнявших другие общественные повинности. Каждый двор, состоявший либо из 10–20 человек, либо имевший 3–х работников, пользовался одним паем. Паем не пользовались только дворы тех сыновей, которые самовольно отделились от своих родителей. В материалах Ставропольской казенной палаты за 1885 г. имеется прошение от 37 семей, жителей селения Долаково, состоящих из 285 человек, на раздельное жительство. Областное правление удовлетворило просьбу всех желающих и внесло их отдельными дворами в посемейный список для выплаты государственной подымной подати и исполнения других общественных повинностей⁷⁸.

Вместе с тем надо отметить, что, несмотря на изменявшиеся условия жизни, общественное мнение было против разделения больших семей. По сообщению Б. Далгата, на раздел больших семей народ смотрел неодобрительно, считая большим счастьем, если родственники живут в согласии и ведут общее хозяйство⁷⁹. Многие большие семьи, раздираемые внутренними противоречиями, продолжали все же жить вместе, чтобы соблюсти «правила приличия», хотя в основном после смерти родителей распались на малые. Раздел имущества большой семьи всегда требовал особой осторожности и знания местных адатов, поэтому, как отмечал Б. Далгат, эта миссия возлагалась на уважаемых стариков⁸⁰. Подтверждение этому мы находим в труде Ф.И. Леонтовича, где отмечено, что на домашнее имущество отец и сыновья имеют равные права, и последние могут заставить первого, когда им вздумается, делиться с ними, и, по адату, каждому из них предоставляется одинаковая доля с отцом⁸¹. Отобрать надел сына отец не мог. Если же раздела требовал один сын, то все имущество делили на равные доли между всеми взрослыми мужчинами; потребовавшему раздела выделяли его долю, а прочие доли оставались в совместном пользовании остальных членов семьи⁸².

Брак

Основными формами заключения брака являлись сватовство и брак уводом — «кража невесты». Брак уводом в народе не одобрял-

⁷⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 7. Д. 37.

⁷⁹ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 218.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.112.

⁸² Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 328–379.

ся, и калым в этих случаях мог быть гораздо выше, чем за засватанную девушку. По этому вопросу Н.Ф. Грабовский писал, что кроме уставленного калыма совершивший увод обязан платить за бесчестье, нанесенное семейству, из которого похищена девушка, если на то не было ее согласия⁸³. В конце XIX в., как отмечал Ф.И. Леонтович, действовал принятый в 1862 г. «приговор» жителей Ингушевского округа, который гласил, что «первым неперменным условием брака полагается свободная воля и непринужденное согласие не одного лишь мужчины, но и женщины, выходящей в замужество»⁸⁴. Иллюстрацией данным общественным явлениям служит рассказ А.А. Александра, опубликованный в 1905 г. в газете «Терские ведомости». Молодой человек похищает девушку без ее согласия. Ее родные требуют калым: 500 руб. деньгами, 2 лошади и 50 баранов. Жених, будучи не в состоянии выплатить указанную сумму, вынужден был вернуть девушку. Родственники за нанесенное оскорбление убивают несостоявшегося жениха⁸⁵. Автор статьи отмечал, что в период туристической поездки в Ингушетию вместе с землемером Степаном Павловичем Хрусталевым, командированным для производства съемки земли, они стали очевидцами этой трагедии.

Брачный возраст

«Ингуши вступают в брак после 15-летнего возраста; девицы выходят замуж не моложе 14 лет», — писал В.Н. Акимов после поездки в 1886 г. в Ингушетию. Он также отмечал, что ингуши не обращают большого внимания на разницу в возрасте: «Молодой человек женится на гораздо старшей его годами девушке». При этом пояснял, что для ингуша важно, чтобы она была «опытной работницей»⁸⁶. Возраст, указанный В.Н. Акимовым, являлся допустимым по шариату. Б.К. Далгат, посетивший ингушей несколькими годами позже В.Н. Акимова, отмечал, что наиболее распространенный брачный возраст у ингушских девушек был 18–20 лет, «девочки по адату не должны выходить замуж ранее 18 лет; это делается для того, чтобы

⁸³ Грабовский Н.Ф. Ингуши. С. 21.

⁸⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 169.

⁸⁵ Александров А.А. Указ. соч.

⁸⁶ Акимов В.Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888. С. 143.

девушка выучилась самостоятельно вести хозяйство»⁸⁷. Впрочем, следует иметь в виду, что принятие ислама не накладывало вето на адат, существовавший в ингушском обществе. Исходя из этого, информацию обоих авторов можно считать правдивой, так как один из них привел сведения, касающиеся брачного возраста, по шариату, а другой автор — по адату.

Ограничения семейно-брачных отношений

По адату, ингуши придерживались принципа экзогамии, накладывавшего вето на женитьбу не только на однофамилице, но и на женщине из родственных фамилий⁸⁸. Б.К. Далгат отмечал, что брак двух родных братьев на двух родных сестрах не допускается, как и женитьба родного дяди на племяннице, брат не может жениться на девушке из семьи, откуда жена брата; братья жены также не могут взять жен из семьи ее мужа, а из семьи других более отдаленных родственников могут⁸⁹.

В рассматриваемый период в ингушском обществе еще бытовал левират (вдова покойного выходила замуж за одного из его братьев или близких родственников) и сорорат (когда вдовец женился на сестре покойной жены), которые были характерны для многих народов Кавказа⁹⁰. Б.К. Далгат писал об этом: «Когда жена умрет, то вдовцу можно жениться на сестре умершей жены своей, чтобы за детьми лучше смотрела, ибо другая мачеха плохо бы к ним относилась; ради детей, оставшихся от брата, брат может жениться на жене брата (прежде это бывало чаще, нежели теперь); брат умершего не обязан взять вдову; это считается не очень хорошим делом, допускается это по адату ради детей. При этом ей дается $\frac{1}{2}$ калыма при браке, а не целый калым»⁹¹. Такой брак заключался в редких случаях и не находил одобрения в народе.

Интересные сведения относительно запрета на брак с кровными родственниками и лицами, состоявшими в так называемом социаль-

⁸⁷ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 328.

⁸⁸ Родственные фамилии образованы в результате деления патриархального рода (*тайна*).

⁸⁹ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. Цит. по: Многоликая Ингушетия / сост. М.С-Г. Албогачиева. СПб., 1999. С. 185.

⁹⁰ Гаджиева С.Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. С. 27

⁹¹ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 328.

ном родстве, содержатся в работе Н.Н. Харузина. Речь идет о запрете на брак между женщиной и женщинами, имевшими непосредственное отношение к его рождению — повитухой, кормилицей и женщиной, дававшей имя новорожденному⁹². Кроме того, женщина не могла в случае развода выйти замуж за приятеля жениха, выведившего ее, невесту, во время свадьбы. Ритуальное родство, возникающее в результате прохождения обряда побратимства и посестримства, тоже было препятствием для брака — породнившиеся семьи не могли завязывать матримониальные связи⁹³.

Многоженство

Распространенной формой брачных отношений была полигамия. По Б.К. Далгату, многоженство было распространено в ингушском обществе еще до принятия ислама. Чаще всего заводили себе вторых и третьих жен богатые люди, имевшие большое хозяйство, так как одна женщина была не в состоянии справиться со всеми лежавшими на ней хозяйственными обязанностями. Вторую жену брали и в тех случаях, если первая была бездетна⁹⁴. О распространенности среди ингушей, как и среди их соседей-осетин, многоженства писали во второй половине XVIII в. И.А. Гильденштедт⁹⁵, а в начале XIX в. — А.М. Шёгрен⁹⁶.

Калым

Обсуждение размера калыма, как видно из письменных источников рассматриваемого периода, позволяет создать объективную картину бытования этого явления.

В.Н. Акимов писал, что калым в прежние времена выплачивался не деньгами, а скотом — 18 коров за невесту. Однако с 1863 г. родители невесты должны были получать фиксированную денежную сумму — 105 руб.⁹⁷

⁹² То, что женщина, принимавшая роды, «пользуется уважением у своего приемыша, равным с уважением к матери», в своей работе отмечал А.М. Шёгрен, не уточняя, правда, наличие запрета на вступление с нею в брак.

⁹³ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 122.

⁹⁴ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 356.

⁹⁵ Gildenstädt I.A. Reisen durch Russland und im Caucasicnen Gebürge. St. Petersburg, 1787–1791. Bd. 1–2. P. 151.

⁹⁶ Шёгрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

⁹⁷ Акимов В.Н. Указ. соч. С. 145.

Калым за невесту в 1879 г. в селении Ляжги горной Ингушетии составлял две сотни рублей⁹⁸.

М. З-бов сообщал, что в 1879 г. выборные от ингушского народа обсуждали, какие меры предстоит предпринять для искоренения «конокрадства, скотокрадства». В качестве главной причины существования этих печальных явлений рассматривалось то, что молодые люди должны выплачивать за невесту большой калым и нести значительные траты на организацию свадебного угощения. При сватовстве заклад деньгами составлял 50 руб. и 18 коров, на угощение — 1 бык и 1 баран, угощения из пива, араки, вся сумма необходимых затрат, даже для бедного, составляла 500 руб., а для богатого достигала 1000 руб. Выборные от народа пришли к выводу, что «бремя калыма, освященное временем, грубым произволом, деморализует наши нравы и гнетет нас до того, что бедный класс молодежи, не имея собственных средств к уплате такого большого калыма и не желая век оставаться безбрачными, волей-неволей промышляет воровством, а такое занятие хотя и крайне безнравственно и порочно, но в нашей среде воспитывается как удаль и молодечество и, само собой разумеется, вредно отражается на нравственности населения; особенно этим увлекаются страстные натуры молодых бедных горцев, готовых на все жертвы и опасности жизни». Исходя из вышеизложенного, общество приняло решение об отмене прежнего, произвольного размера калыма и установило одинаковую плату в размере 105 руб. суммарно деньгами, вещами и скотом. Контроль за исполнением «приговора» возложили на местных старшин⁹⁹.

Размер калыма мог варьировать в зависимости от того, состояла ли невеста до этого в браке. По Ф.И. Леонтовичу, за девушку платят калым 21 корову, за вдову платят только 12 коров¹⁰⁰. Позже, в 1889–1890 гг., эти вопросы были пересмотрены, а за несоблюдение установленного размера калыма введены штрафы. Некоторое время ингушское общество придерживалось принятых решений, но постепенно стало отходить от них¹⁰¹. За богатую девушку платили больше калыма, чем за бедную. Л.В. Малинин отмечал, что у назрановцев выкуп за невесту был одинаковым во всех селениях и равнялся 18 коровам, ценою по 10 руб. каждая¹⁰².

⁹⁸ К-нь Вл. Указ. соч. С. 95.

⁹⁹ З-бов М. О калыме // ТВ. 1879. № 19.

¹⁰⁰ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 117.

¹⁰¹ Кудусова-Далакова Ф.И. Указ. соч. С. 148.

¹⁰² Малинин Л.В. О свадебных платежах и о приданом // ЭО. 1890. № 3. С. 30, 47, 53.

Выкуп за невесту изменился в 1907 г. в связи с принятием нового «приговора», ограничивающего размер калыма 25 руб. в соответствии с требованиями шариата. Об этом сообщалось в «Терских ведомостях» в статье «Ингушские народные приговоры»¹⁰³.

Приданое

За невестой всегда давали приданое, которое в зависимости от достатка семьи могло быть большего или меньшего размера. По В.Н. Акимову: «Невеста приносит с собою в дом жениха: 3 тюфяка, 3 подушки, 3 одеяла, 2 сундука, большой медный таз (*чар*), большой кумган для ношения воды, рукомойник (таз с кувшином), 6 войлоков, 3 рогожки для постилки под тюфяк, деревянные чашки и большие деревянные блюда. Сверх того она приносит 2 черкески для отца жениха, черкеску, ноговицы и башлык с серебряной тесьмой для младшего брата, шелковую рубашку для матери жениха и подарки для ее сестер»¹⁰⁴.

Б.К. Далгат поясняет, что приданое может быть больше или меньше выкупа за невесту и состоит из сундуков, одеял, матрасов, подушек, войлоков, посуды (медная, обязательно с кувшином для воды), черкески, шубы, башлыка (для подарков), одежды и прочего, необходимого в хозяйстве¹⁰⁵.

Свадьба

А.М. Шёгрэн сообщал, что на свадьбу собираются все родные и знакомые обеих сторон. Невесту покрывают с головы до ног платком и выводят из комнаты. «Уполномоченный шафер берет невесту за руку и выводит ее на середину комнаты, к котлу, который по горскому обычаю висит на цепи посредине главной комнаты <...>. Подводя к котлу, шафер берется рукой за цепь и начинает говорить речь, вроде желанья будущего благополучия молодым; потом обходит с невестою три раза вокруг огня и, ударив рукою по цепи в знак прощания ее с родительским домом, выводит из сакли»¹⁰⁶. Позднее, основываясь на материалах А.М. Шёгрена, Е. Шиллинг полностью повторил описа-

¹⁰³ Ингушские народные приговоры. С. 3.

¹⁰⁴ Акимов В.Н. Указ. соч. С. 145.

¹⁰⁵ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 342.

¹⁰⁶ Шёгрэн А.М. Указ. соч.

ние данной процедуры с небольшим дополнением: «При выдаче невесты замуж ее трижды обводили в родном доме вокруг зажженного очага, высказывая пожелания, чтобы она была “плодовита, как зола”, количество которой постоянно увеличивается, и привязана к семье, как сажа, которая с трудом отстает. После этого шафер брал невесту за руку и потрясал цепь в знак разрыва с семьей»¹⁰⁷. О времени проведения свадебных церемоний В.Н. Акимов писал следующее: «Свадьба не может происходить во время месяца Байрама, а также никогда не происходит под среду. Большею частью бывают под четверг и понедельник»¹⁰⁸.

Подробное описание свадебных ритуалов составил Б.К. Далгат. При выходе невесты из дома раздавалось два выстрела, один выстрел со стороны родных жениха, другой — со стороны родных невесты, считалось, что сторона, успевшая сделать первый выстрел, будет держать верх в семье. Девушки, сопровождавшие невесту, начинали петь, и свадебный поезд, проезжая различные аулы, останавливался и устраивал танцы. По приезду в дом жениха свадебную процессию встречали выстрелами. При вводе невесты в дом губы ей смазывали медом, а голову посыпали мукой, «чтобы она была для своего мужа сладкой, как мед, и чтобы в доме у них всегда были хлеб-соль». Свадьба продолжалась трое суток¹⁰⁹.

Г. Чурсин отмечал, что у ингуше, как и у многих народов Кавказа, существует обычай устраивать во время свадьбы джигитовку и стрельбу¹¹⁰.

Широко распространен был в ингушском обществе и обряд избегания, однако эта тема не получила достаточного освещения в источниках. Некоторые отрывочные сведения по данному вопросу имеются у дореволюционных и советских авторов, таких как Н. Грабовский, В.П. Пожидаев, Б.К. Далгат, Н.Ф. Яковлев¹¹¹.

¹⁰⁷ Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. III. С. 13.

¹⁰⁸ Акимов В.Н. Указ. соч. С. 145

¹⁰⁹ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей. С. 360.

¹¹⁰ Чурсин Г. Свадебные обычаи обряды на Кавказе // Кавказ. 1902. № 2. С. 270.

¹¹¹ Грабовский Н.Ф. Ингуши; Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа М.; Л., 1926; Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом; Яковлев Н.Ф. Ингуши.

Развод

Очень ценны и интересны сведения А.М. Шёгрена о разводе: «Если супруги расходятся по прихоти жены, то она ничего не получает на свою долю, а еще родные ее возвращают мужу калым. Если же, напротив, муж прогоняет от себя жену, то он не получает своего калыма и должен давать ей на содержание каждый год одно платье, одни шальвары, две пары чувяк (башмаков) и два платка; дети остаются при отце или при матери, это зависит от условий, но в последнем случае отец обязан отпускать ежегодно сумму на содержание детей по 12 руб. серебром в год на каждого ребенка, от грудного включительно»¹¹². По Н.Ф. Грабовскому, жена не может без согласия мужа получить развод, однако в тех случаях, когда муж грубо обращается с женой, она может обратиться не только к родственникам мужа с просьбой разрешить создавшуюся ситуацию, но и в случае отказа обратиться в Горский словесный суд. Для выяснения основательности ее жалоб выбирается «посредник», который вел наблюдение за указанной семьей, и если ему удавалось собрать сведения, подтверждающие состоятельность доводов жены, то она получала полную свободу¹¹³. «Насколько жене трудно выхлопотать себе развод, настолько легко мужу развестись со своей женой», — писал Н.Н. Харузин¹¹⁴. Нужно отметить, что для обоснования своего суждения он приводил вышеописанные сведения относительно развода.

Рождение детей

Семья считалась благополучной, если в ней было много детей, желательного мужского пола. Б.К. Далгат писал, что «мальчик как мужчина и продолжатель рода считался более желательным, нежели девочка»¹¹⁵.

Ингушские женщины спустя три дня после рождения ребенка сощещались и давали новорожденному имя, отмечал И.А. Гильденштедт¹¹⁶. По А.М. Шёгрону, при рождении ребенка дается языческое имя, независимо от того, в какой семье он родился, христианской или

¹¹² Шёгрэн А.М. Указ. соч.

¹¹³ Грабовский Н.Ф. Ингуши. С. 51.

¹¹⁴ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 128.

¹¹⁵ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 328–379.

¹¹⁶ Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 241.

мусульманской. «Имя дает младенцу тот из родных или почетных стариков, кто первый придет к люльке, и тогда он имеет право сочинить какое угодно название новорожденному». Шёгрэн впервые приводит список имен, которые ингуши считают счастливыми¹¹⁷.

Об изменениях в наречении имени, произошедших с принятием ислама, Б.К. Далгат сообщает: «Имя ребенку давали родственники его (это было и прежде, и теперь так делается; но теперь чаще дает имя мулла — из Корана); обряд дачи имен таков: через три дня после родов в их доме резали барана; родственники собирались и бросали несколько альчигов: чей раньше станет, тот и дает имя ребенку»¹¹⁸.

По Ч. Ахриеву, «на четвертый день новорожденного кладут в люльку, которая по своему устройству сильно напоминает футляр: она так плотно обхватывает тельце ребенка, как футляр — скрипку»¹¹⁹.

Похороны

Чах Ахриев отмечал, что «ингуши до введения у них ислама имели о загробной жизни точно такие же понятия, как и о настоящей земной», т.е. они думали, что там, как и здесь, на Земле, человек подвержен житейским тревогам и заботам, также работает периодически, например, «осенью жнет по ночам солому на загоне своих родственников»¹²⁰.

Е. Шиллинг писал, что ингуши хоронили покойников в склепах — «кашах», каждый большой «род» имел свою усыпальницу. На территории Ингушетии встречаются несколько видов склепов в виде: «а) продолговатых домов с двускатным покрытием; б) четырехугольных сооружений, увенчанных пирамидальной крышей; в) круглых ядрообразных построек»; усыпальницы были в несколько этажей. Умерших одевали в лучшие одежды, укладывали с ними предметы домашней утвари, которые, согласно поверьям, были необходимы им в новой жизни. В период эпидемий и массового мора живые уходили в склепы целыми семьями, взяв с собой предметы быта. В усыпальницах разрешалось хоронить только членов своего «рода», но ни в коем случае ни «чужеродца». В некоторых усыпальницах имеются поминальные камеры, куда могли прийти родственники или друзья умершего и поиг-

¹¹⁷ Шёгрэн А.М. Указ. соч.

¹¹⁸ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей. С. 372.

¹¹⁹ Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // ТВ. 1872. № 32.

¹²⁰ Ахриев Ч. Ингушские каши // ТВ. 1871. № 17.

рать с ним в необычную игру. Она заключалась в том, что на полу поминальной камеры расчерчивалась «фигура с делениями; игравшие бросали на манер костей коротенькие четырехгранные палочки с нарезками»¹²¹, если палочки укладывались в деления, то выигрывал гость, посетивший камеру, если не попадали, то покойник.

Похоронный обряд очень плохо описан в литературе рассматриваемого периода. Наиболее обстоятельное описание находим в работе Ч. Ахриева, где сообщается, что на «похоронах возле могилы ставили араку и клали три лепешки, чтобы покойник по дороге на тот свет не нуждался в пище. Затем к могиле подводили коня, узду которого давали в руки покойнику. Далее коня трижды обводили вокруг могилы, отрезали у него правое ухо и бросали в могилу»¹²². На следующий день после похорон устраивались первые поминки со всевозможными угощениями, и считалось, что все съеденное «идет в пользу покойнику». Чтобы покойник на том свете смог встать с постели, устраивались «постельные поминки».

Чтобы «облегчить» процесс «вставания покойника», в честь умершего устраивались скачки, стрельба в цель и джигитовка, писал Ч. Ахриев. За день до поминок к родственникам покойного должен явиться каждый, кто желает участвовать в скачках. Из всех приехавших с этой целью отбирают только 4 коней, и для них назначаются призы. Для этого участникам нужно отправиться в дальнее селение, причем в руках у них должны быть большие ветки, украшенные яблоками и орехами. После приезда в назначенное селение всадники одну ветку дарили хозяину дома, где останавливались на ночлег, а остальные — уважаемым старикам. На следующее утро они должны были скакать к месту поминок. Победители получали призы от родственников покойного: первый приз — комплект мужской одежды, второй приз — бешмет, третий — башлык и ноговицы, а четвертый — рубашка и штаны. Еще до приезда всадников устраивалось состязание по стрельбе. Победитель в этом соревновании получал козленка. Затем начиналось традиционное посвящение лошади покойному. Для этого старик брал в одну руку сосуд с пивом, а в другую — три лепешки и кусок баранины. К нему подводили лошадь, взявшую первый приз на скачках, которую он поил пивом. Хозяину лошади он отдавал лепешки и баранину, а затем объявлял, что эта лошадь с согласия владельца посвяща-

¹²¹ Шиллинг Е. Указ. соч. С. 14.

¹²² Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 47.

ется покойнику, который на том свете сможет ездить на ней, куда ему захочется. Остальных лошадей, участвовавших на скачках, посвящали таким же образом и «отдавали» предкам покойника, по выбору родственников. Заканчивались «постельные» поминки часовой джигитовкой¹²³, во время которой всадники держали в руках украшенные фруктами и орехами ветки. По истечении двух лет после «постельных поминок» делались большие поминки, а еще через год вдова устраивала поминки в честь окончания траура. Примечательно, что даже если она выходила повторно замуж, ее хоронили рядом с первым мужем. Кроме перечисленных поминок, ежегодно после окончания жатвы устраивался жатвенный ужин — *марс-порт* — «с соблюдением следующей церемонии: поставив возле очага кушанье, приготовленное для ужина, самая старшая женщина в семействе брала щипцы в руки и дотрагивалась ими до каждого кушанья, говоря: “Да будешь пищей такому-то покойнику”. Обойдя, таким образом, все яства, она выливала из чашки, находившейся у нее в руках, брагу около очага; затем уже все члены семейства принимались за кушанья»¹²⁴. Угощения для покойника «передавались» с молитвой: «Дай Бог, чтобы у них (т.е. у умерших) урожай был хороший», — писал Е. Шиллинг¹²⁵. По народным представлениям, разница между загробной и земной жизнью заключалась лишь в том, что, когда на Земле день, у покойников ночь и наоборот¹²⁶.

¹²³ Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев. С. 47; Шиллинг Е. Указ. соч. С. 17.

¹²⁴ Ахриев Ч. Ингушские каши // ТВ. 1871. № 17.

¹²⁵ Шиллинг Е. Указ. соч. С. 17.

¹²⁶ Ахриев Ч. Ингушские каши.